

Глава первая

— Если я возьму в ипотеку десять миллионов, то потом придется двадцать пять лет отдавать деньги банку с большими процентами, а если украду десять миллионов, то меня посадят лет на шесть, и никаких процентов.

Я подошла к открытому окну и выглянула во двор. Чуть поодаль от дома на скамейке спиной ко мне сидели две девушки, и это было странно. На дворе декабрь, большого мороза нет, всего минус один, но ведь и не лето, чтобы коротать время на лавочке.

— Кать, перед тем как тебя за решетку запихнуть, все денежки конфискуют, — возразила одна.

Вторая засмеялась.

— Ну да, бабки отнимут, если ты дура и положишь их на свой счет. Умный человек всегда останется со своей добычей.

— Как? — спросила ее подруга. — По телику говорят: арестовали такого-то, деньги отобрали.

— Вот поэтому у тебя, Ниночка, плохо с отметками, — ехидно засмеялась Екатерина, — несообразительная ты.

— С оценками у меня все нормально, — обиделась Нина, — четверки и тройки. Да, я не отличница, как ты. Зато у меня есть время делать то, что я хочу, а ты, Катька, задницей к стулу прилипла, зубришь и зубришь. У нас в классе кроме тебя только еще Шевченко такой. Но он из нищей семьи, в нашей гимназии учится по программе, которую Федор Петрович придумал. Он оплачивает образование бедным, если они побеждают в олимпиадах. С Шевченко все ясно, ему нужна медаль, тогда дядя Федя отправит его за границу в колледж. А тебе какой смысл пахать? Живи спокойно, тебя, Мухина, все равно в вуз пристроят на коммерческой основе. Чего молчишь?

Катя помедлила и ответила:

— Да все не так просто, как тебе кажется. Папа только с чужими добренький. А когда я перешла в четвертый класс, он сказал: «Я работаю, всех содержу, лентяев терпеть не могу. Ко мне многие обращаются, все одну песню поют: «Дайте денег». Один кредит взял на айфон, другому нужна квартира, третий отдохнуть мечтает. Спрашивается: при чем тут я? Ах, у Федора Петровича капитал солидный! А раз так, пусть отламывает куски нам, бедным, убогим. Стоп. Если ты бедный, то не я в этом виноват. Начнешь изучать человека, который при зарплате в двадцать тысяч телефон за двести тысяч приобрел, спросишь: «Зачем дорогую трубку купил?»

Есть подходящие модели тебе по карману!» И ответ прилетает: «Все с дорогими мобилами ходят, а я, как лох, с барахлом?» Ну нет! Лох ты потому, что полагаешь, будто айфон тебя в глазах окружающих сделает успешным. Парень, где ты работаешь? Какой у тебя график? Сидишь в конторе типа «Рога и копыта», ни черта не делаешь, домой после обеда уходишь? Да кто тебе такому достойную зарплату назначит? Иди учиться, получай хорошую профессию, стань в своем деле эксклюзивным специалистом, паши конем с восьми утра до ночи — и получишь солидный заработок. Мне мое бабло не в наследство досталось, я не спер его, заработал сам, потому что вышел на рынок с предложением, которого до меня никто не делал. И не сплю до сих пор до полудня, в шесть утра на пробежку выхожу, потом еду в офис. В пятницу на шоссе не протолкнуться, уже в три часа дня выстраивается пробка в область. И кто там стоит на новых машинах? Лентяи, которые уже перестали работать и поперли отдыхать за город. Автомобили в кредит взяли, выпендрились из последних сил, катят на «Порше», «БМВ», чтоб их лохами не считали. В кошельках пусто, жрут сосиски дерьмовые, дети ходят в пакостную бесплатную школу, где сорок балбесов в классе. Жена у такого мужа на работе убивается, потом дома прислугой пашет, на домработницу средств нет. Лечатся такие в районной

поликлинике. Но зато ездят на «Порше»! Глава семьи не лох! Вечно он недоволен, что денег нет. А на отдых еще кредит хапает, в Доминикану летит на пять дней. Сутки туда, сутки назад, вернулся домой — заболел, потому что все биоритмы сбил, акклиматизироваться не успел. Зато в соцсети фото вывалил: «Глядите, люди, я в Доминикане отдыхаю, я не лох». Да, ты не лох, а идиот! Нет бы найти нормальную службу. Да, тогда в три часа дня в пятницу будет не до отдыха, выходной, скорее всего, один на неделе. И автомобиль надо купить по средствам, и отдыхать по своим деньгам! Вот тогда ты будешь не лох, а умный человек, достойный уважения».

Катя перевела дыхание.

— Чего дядя Федя так окрысился? — изумилась Нина.

Екатерина понизила голос:

— А кто его знает. Он вечно всех лодырями обзывает. Толкнул, значит, папаня речугу и объяснил: «Отец тебя кормит, одевает, гувернанток нанимает, любые капризы твои исполняет, а ты тварь неблагодарная».

— Вау! — подпрыгнула Нина. — Так и сказал?

— Прикинь! — возмутилась Катя. — Даже сейчас, когда мне четырнадцать, обидно. А в десять лет я просто испугалась. Ну и дальше папаша мне объяснил. Детство закончилось, бесплатно меня он содержать не намерен. Пора идти работать.

— Кем? — ахнула Нина.

— Ученицей, — фыркнула Катя, — если за неделю не получу ни одной четверки, то могу что-нибудь просить. В разумных пределах. В дневнике не одни пятерки? Есть и четверки? Половина моих желаний отрезается. Вдруг тройка? Вообще мне ни фига не положено. Про неуд он промолчал, но я думаю, что за двояк он меня на хоздворе расстреляет.

— Ну, это навряд ли, — испуганно пролепетала Нина.

— А кто его знает! — повторила Катя. — Вот я и стараюсь.

— Слушай, мне тебя жалко, — всхлипнула Нина, — хоть ты моя двоюродная сестра и вредина.

— Мне самой себя жалко, — призналась Катя, — сначала хотела назло папаше одни колы получать. Да вовремя одумалась. Только хуже будет. Теперь таскаю пятерки. Терплю. Жду.

— Чего? — спросила Нина.

— Медаль получу, отец отправит меня в Америку в колледж, — стала делиться своими планами Екатерина, — обещал, что я сама выберу вуз. Я нашла такой, где за обучение платят все сразу, не за один год, а за пять. Пусть деньги внесет, я улечу за океан. Только он меня потом и видел. До свидос навсегда. Найду мужа-америкоса, денежную работу. Забуду папашу с мамашей! Никогда к ним не вернусь.

Даже на похоронах не покажусь. Но не забуду, что я наследница! В конце концов папашкины миллиарды — мои!

— Ой, тетя Света плакать будет, — пробормотала Нина.

— Ха! — подпрыгнула Катя. — Мать знает, как отец надо мной издевается. Он все регламентирует. С кем мне дружить, куда гулять ходить даже по поселку. В Москву одной не ехать, только с шофером и мерзотной Лариской. Думаешь, я рада, что до сих пор везде с нянькой таскаюсь? Мне уже четырнадцать! Если я взрослая и должна все для себя зарабатывать отметками, на хрен мне гувернантка? Вчера у папани новый виток маразма случился. После Нового года я и ты, кстати, должны заниматься благотворительностью.

— Когда я говорила, что тетя Света плакать будет, имела в виду не ее тоску по тебе. Она зарыдает, когда сообразит, что ей с тобой наследством придется делиться. А насчет помощи нищим, так это не новость, — сказала Нина, — мы с тобой вместе с мамашами ездим в хоспис. Раздаем там подарки.

Катерина издала стон.

— Ага. Раз в полгода больных навещаем, отдаем директрисе пакеты, а нас чаем угощают. Бла-бла и до свидос. В январе все иначе будет. В воскресенье нас привезут в хоспис к восьми утра, дадут швабры. Мойте, Катенька

и Ниночка, полы, выносите дерьмо. До шести вечера.

— Ужас! — подпрыгнула Нина. — Дядя Федя точно псих. В воскресенье! А отдыхать когда?

— Никогда, — отрезала двоюродная сестра, — тот, кто в выходной в компе шарится, с подругами общается, кино смотрит, родня лентяям, которые в пятницу днем на дороге пробки устраивают! Вот так! Отец решил из меня и тебя воспитать достойных людей! Я типа отличница, никогда не сплю, в хосписе полы тру! Ну и ты такая же, скажи спасибо, что мой папаша от тебя пятерок не требует. Я не хочу санитаркой быть. Боюсь, вдруг заражусь там чем-нибудь.

— Кошмар, мне тоже не хочется в больнице убиваться, — зачестила Нина. — Делать-то что?

— Ничего, — грустно ответила Катя, — Мне — улыбаться, терпеть, ждать, когда улечу в Америку. А ты сама думай.

— Ты сейчас в восьмом классе, — напомнила Нина, — еще тьму лет на уроках сидеть придется.

— Выдержу, — буркнула Катя, — у меня есть цель: обрести свободу.

— Надо поговорить с мамами, — оживилась Нина. — Пусть тетя Света мужу объяснит: так с ребенком нельзя. А моя мамуля попросит дядю Федю: не трогай племянницу. Или с бабушкой пусть побеседуют, Ольга Гавриловна...

Глава вторая

Катя рассмеялась.

— Никуль, бабушка — мать отца. По ее мнению, что он делает, то и правильно. Папаша меня вчера за завтраком ругал. Помнишь?

— Ага, — кивнула Нина, — ты ела омлет, уронила кусочек на скатерть. Ерунда. Но получила столько люлей, словно ваше семью опозорила. Никогда я дядю Федю таким злым не видела. Обычно он добрый.

— Потерял лицо, — хмыкнула Катя, — со вчерашнего вечера совсем оборзел! Че с ним случилось?

— Я читала в интернете, что перед днем рождения у человека всегда приступ злобности случается, — сказала Нина, — дядя Федя сегодня отпразднует, получит много подарков и по-добрееет.

— Не смейся меня, — отмахнулась Катя. — Ты не заметила, что он давно на всех бросается? Домой приедет, глаза злые, даже на бабу так смотрит, что страшно делается. Я его боюсь!

— Может, нам с бабулей поговорить? — предложила Нина. — Она на дядю Федю влияние имеет, он ее слушается, отменит работу в хосписе.

— Эй, Буратино! Ты не поняла? — фыркнула Катя. — О чем я только что говорила? Отец и бабуку ненавидеть стал. Вообще охренели! Она

нам не поможет! Для старухи сыночек как кольцо для Горлума. «Моя прелессть»¹. Как бабуленция отреагировала сегодня, когда ее сынуля орал на меня за кусочек омлета на скатерти?

— Ну... она ему сказала... — начала Нина.

— «Плохо воспитанного подростка сложно переделать, — перебила сестру Катя. — Феденька, успокойся, не дай Бог у тебя давление повысится». Здорово?

Нина ничего не ответила.

— И мать с тетей Леной сделали вид, что оглохли, — продолжала Катя, — никто за меня не вступился. Почему?

— Мамуля тебя любит, — пролепетала Нина, — в смысле моя, твоя тетя. Может, она просто не слышала, что дядя Федя говорит?

— Он вопил! — уточнила двоюродная сестра. — Хорошо, что участок у нас три гектара, соседям не слышно. У тети Лены здоровые уши! Чего она молчала? Объяснить?

Нина кивнула.

— Не понравится тебе правда, — предупредила Катя, — может, не нужна она тебе?

— Говори, — велела Нина.

— Без обид! — воскликнула Екатерина. — Я тебя предупредила.

---

¹ Катя вспоминает одного из героев книги «Хоббит, или Туда и обратно», которую написал Джон Рональд Руэл Толкин, британский писатель, поэт, лингвист, профессор Оксфордского университета.

— Начинай, — пролепетала Нина.

— Где твой отец? — задала неожиданный вопрос Катя.

— Он ушел от нас, — ответила двоюродная сестра, — не помню его, совсем маленькой была.

— Где вы живете? — продолжала Екатерина. Нина показала рукой налево.

— Смеешься? Наш дом впритык к вашему особняку стоит.

— Откуда он у вас? — не отставала Катя.

— Ну... мама... построила, — протянула Нина.

— На одном участке с нами? Да еще так, что два здания как одно, только входы разные? — хмыкнула Катя. — А теперь слушай правду. Тетя Лена вышла замуж по глупости. Ей тогда едва восемнадцать исполнилось. Все отговаривали ее в загс с Николаем идти, но она уперлась. Очень быстро забеременела, родила тебя. А Николай переметнулся к другой, бросил жену и дочь без денег. Моя мама попросила мужа: «Помоги Лене, она совсем молоденькая, глупая». Отец пошел ей навстречу, он тогда как раз начал дом строить, ну и приделал к нему еще часть, вас там поселил. И что вышло?

— Э... э... мы живем все вместе, — сказала Нина, — одной семьей.

— Во! — воскликнула Катя. — Живете даром, ни за что не платите. Едите у нас, а если не приходите, то вам повар жрачку относит. Ты ходишь в ту же гимназию, что и я. Кто платит за

обучение? Кто тетю Лену без образования устроил в одну свою фирму генеральным директором? Звучит красиво, да подчиненных у нее только два человека. Вы с матерью ездите на дорогой машине, одеваетесь не на рынке. Откуда доход?

Нина призналась:

— Не знаю.

— Кредитка платиновая у Лены в кошельке, — засмеялась Катя, — безлимитная. Твоя мать ее на кассе в терминал вставляет, а с чьего счета бабки уходят? За любые ваши покупки и за все-все мой папаня платит. Он содержит свою семью, сестру жены и племянницу. Да кто с ним спорить станет? Кто меня защитит?

Нина опустила голову.

— Молчишь? — осведомилась Катя. — И правильно. Все боятся за свое благополучие, приседают и кланяются Федору, всем плевать на меня. Да я сама перед отцом на коленях ползаю, жду, когда он меня в Америку отправит.

— Екатерина, ты где? — закричал пронзительный женский голос.

— Нас зовут, — встрепелась Нина.

— Тебя? — спросила Катя.

— Что? — не сообразила сестра.

— Тебя разыскивают? — переспросила Катерина.

— Не-а, — ответила Нина.

— Ну и сиди тихо, — пожала плечами Екатерина, — без тебя разберусь. Пусть управля-